

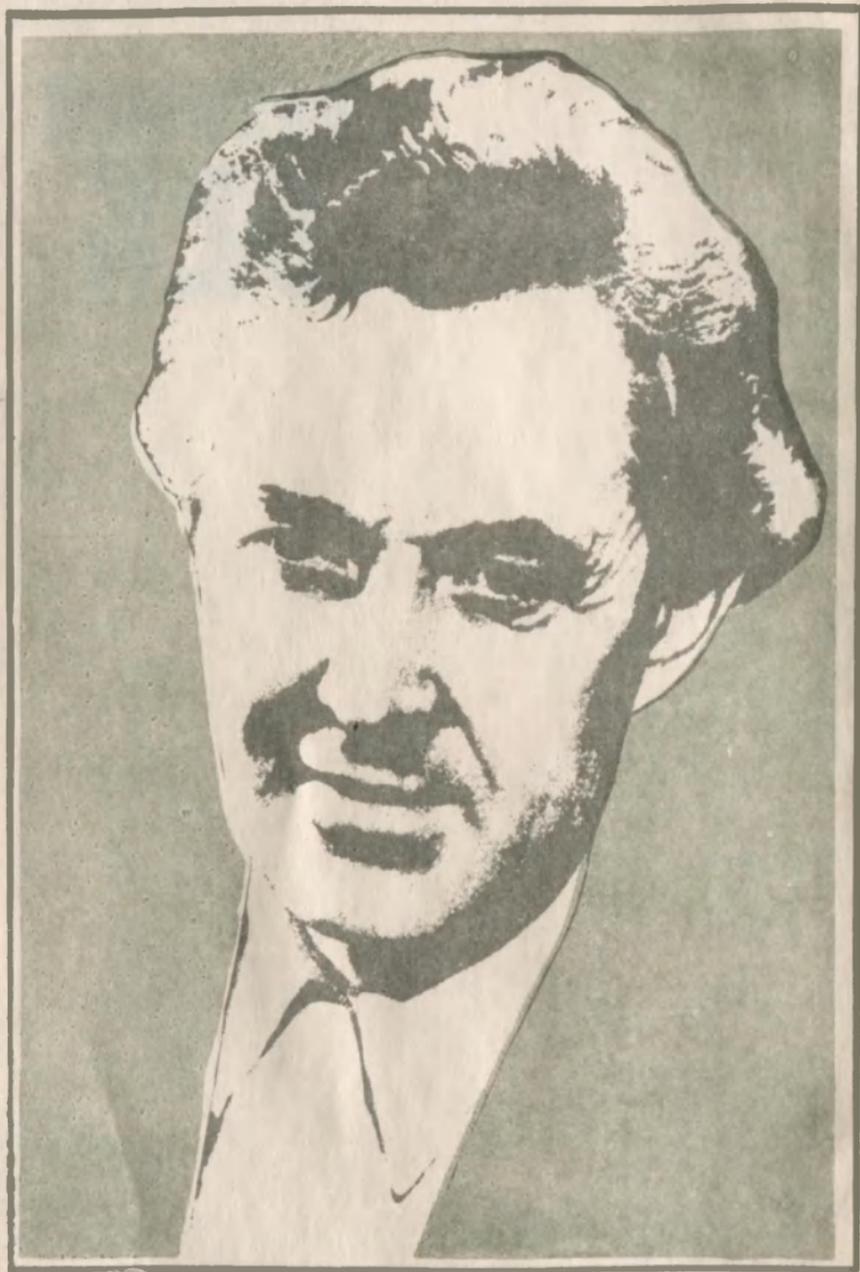
Исаи КАЛАШНИКОВ

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

**ЖЕСТОКИЙ
ВЕК**

Исай КАЛАШНИКОВ

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

Исторический
роман

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО «ЭКОАРТ»

УЛАН-УДЭ • 1990

БКК 84Бу
К171

Калашников И. К.

К171 Жестокий век: Роман. В 2 кн. Кн. 1.— Переизд. Худож. Н. Карпова, О. Вусович.— Улан-Удэ: Издательское Агентство Эко-Арт, 1990.— 384 с.: ил.

Роман Исаия Калашникова — широкое художественное полотно, выдержанное в традициях русской реалистической прозы. Оно воссоздает красочную картину жизни монголов в конце XII — начале XIII века. В центре романа образ Тэмуджина — Чингисхана. Населив роман многими героями, писатель значительное место отвел людям из народа, показал страдания, которые принес им жестокий век, и в то же время подчеркнул их силу, их мастерство, их волю к свободе и к созиданию.

84Бу

*Выпуск книги посвящается
60-летию со дня рождения И. К. Калашникова
(1931 — 1980)*

© Бурятское книжное издательство, 1986

© Худож. Н. Карпова, О. Вусович, 1990

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОНИМЫЕ

Крытый возок, запряженный двумя волами, медленно двигался по степи. За возком шагала подседланная лошадь.

Над выжженной зноем степью висело горячее солнце. Разморенные жарой, волы шли, понуро опустив головы, над их мокрыми спинами кружилась мошка, под колесами сухо шелестели стебли ковыля — дэрсуна.

Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата — ее свадебного наряда. Глаза Оэлун были широко открыты, но она не видела ни серых метелок дэрсуна, ни одинокого облачка над степью, не чувствовала зноя, — она была далеко отсюда, там, где у светлого озера стояли юрты ее отца, где остались мать и братья, ее детские игры и забавы.

На ее проводы собрались многие соплеменники — олхонуты. Пели песни, шутили, состязались в остроловии, всем было весело, ей тоже: она всегда любила праздники, а это был ее праздник — в ее честь, в честь ее жениха слагали песни и пышные юрты — благопожелания. Ее сородичи славилась веселым нравом, песнями и красавицами девушками. За много дней пути, порой даже с берегов неведомого Байкала, порой от Великой стены — предела царства китайского Алтан-хана, — приезжали к ним за невестами...

Первый день пути прошел незаметно. Она вспоминала прощальный пир, про себя напевала сложенные в ее честь песни, украдкой посматривала на своего жениха. Он был ей по душе, ее Чиледу. Высокий, крепкий, лицо открытое, приветливое; такой, она знала, зря не обидит и в обиду не даст.

Этот день был для Оэлун как бы продолжением праздника. Но вечером, когда они остановились на ночлег и Чиледу велел ей приготовить ужин, она как-то сразу, в одно мгновение, осознала крутую перемену в своей жизни, поняла, что покинула родной нутг — кочевье — не на день, не на два — навсегда. Ей стало так тоскливо, что, позабыв про ужин, она села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала. Чиледу удивленно заморгал глазами, наклонился над нею, провел ладонью по голове, ничего не сказал. Она не дала воли слезам, вытерла глаза поллой халата, стала разводить огонь. Но тоска из сердца не уходила. Кончилась ее беззаботная жизнь. Теперь она должна готовить пищу, шить одежду, седлать мужу коня, править повозкой во время перекочевок...

6 p50 κ

